

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЁНЫХ

Буланова Мария Александровна

студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, РФ, г. Москва

Коркия Эка Демуриевна

научный руководитель, доц. кафедры социология коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, РФ, г. Москва

Одним из условий развития общества является передача накопленных знаний от одного поколения к другому. Такая социокультурная преемственность обеспечивает воспроизводство ценностей, идеалов и структур культуры на каждом этапе развития общественной системы. Формой социокультурной преемственности является социальная память, которую можно разделить на объективированную (информация, существующая без познающего субъекта) и интерсубъективную (информация о конкретной социальной системе, существующая в познающем субъекте) [6, с. 44], при этом первая может воспроизводиться только при взаимодействии со второй. Следовательно, большую роль в функционировании социальной памяти играет познающий субъект (отдельный человек или социальная система), так как именно он осуществляет накопление и транслирование социального опыта. Таким образом, социальная память – это накопленная в ходе социально исторического развития информация, зафиксированная в результатах практической и познавательной деятельности [10, с. 119]. Социальная память состоит из двух слоев: 1) социальное бессознательное (потребность в другом человеке», сочувствие, подчинение лидеру); 2) культурное наследие (национальный язык, обычаи, знания и умения; памятники культуры, документы, освоенная обществом природа). Формальное измерение социальной памяти составляет материальная и духовная культура. Различные сферы общества (религиозная, культурная, юридическая, политическая, историческая) составляют содержательную структуру социальной памяти [14, с. 57].

В общественном дискурсе проблема социальной памяти заняла значительное место во второй половине XX века, когда стало очевидно, что процессы глобализации затрагивают национальную и культурную самобытность государств, изменяя ее. Поэтому исследование социальной памяти, ее функционирования, трансформации и влияния на развитие общества стало одной из тем многих дисциплин: философии, психологии, лингвистики, социологии и т. д.

Социальная память в социологической науке рассматривается в контексте пяти основных направлений: функциональное, феноменологическое, постструктурализм, социально-историческое и информационное. Представители каждого из подходов исследуют социальную память под определенным углом зрения.

Так, представители функционального подхода сосредотачивают внимание на социальной памяти отдельных групп с точки зрения той роли, которую социальная память играет в сохранении их целостности и устойчивости. Термин «социальная память» был впервые введен М. Хальбваксом в работе «Коллективная и историческая память». Социальная память здесь определяется как второй из видов памяти (первый – индивидуальная), и является для индивида внешней. К социальной, или коллективной, памяти индивид обращается, когда он является членом группы и вызывает в памяти воспоминания в той мере, в которой они затрагивают его группу [17, с. 8]. Хальбвакс называл память социальной, потому что ее

функционирование определяется обществом, и она не является только индивидуальным процессом хранения и обработки полученной информации.

В работе «Социальные рамки памяти» Хальбвакс рассматривал два вида социальной памяти – семейную и религиозную. Семейная память базируется на позиционировании ее членов друг друга как родственников, на передаче семейных реликвий, ценностей, норм, воспоминаний от одного поколения к другому [18, с. 187]. Устойчивость семьи зависит от соблюдения ее членами семейных рамок (семейные традиции, обряды и т. д.), в которых выражается общая установка группы, воспроизводится ее история, характеризуется ее природа, сильные и слабые стороны.

Религиозная память подчиняется тем же законам, что и любая коллективная память: она хранит и реконструирует прошлое с помощью оставшихся от него материальных следов, обрядов, текстов, традиций, а также с помощью настоящего. Любая религия в символических формах воспроизводит историю тех великих событий, которые можно найти у истоков практикующих ее обществ [18, с. 260–264].

Таким образом, коллективная память в семье и религии является одним из основных инструментов сохранения их устойчивости и целостности.

Свои воспоминания человек, как правило, приобретает, воссоздает в памяти, узнает и локализует именно в обществе. Наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку существует коллективная память и социальные рамки памяти. Коллективная память в этом смысле предполагает существование памяти как таковой. Следовательно, коллективные рамки памяти служат оружием для воссоздания таких образов прошлого, которые в данный период согласны с господствующими идеями данного общества [18, с. 30].

Другой представитель функционального направления, М. Мосс, считал, что различные ритуалы обеспечивают воспроизводство религиозных практик и норм, а также консолидацию социальных общностей, поскольку соучастие членов общества является условием любого ритуала и его исходной формой [8, с. 236]. С течением времени многие ритуалы, например, молитва, перестают быть коллективным явлением и становятся личным делом отдельного человека, но даже в таком искаженном виде они позволяют реконструировать исходный социальный контекст данного явления. В этом смысле любой ритуал является структурой коллективной памяти, поскольку содержит динамику возникновения и развития, процесс постепенного усиления социальной дисфункции [3, с. 8]. Таким образом, М. Мосс, также, как и М. Хальбвакс, представлял коллективную (социальную) память в качестве фундамента общества, который сохраняет его устойчивость и целостность. Память в функциональном направлении выполняет объединяющую функцию в определенной группе.

В трудах основоположника феноменологии Э. Гуссерля берет свое начало феноменологическое направление исследования социальной памяти. Гуссерль затрагивал проблематику памяти при исследовании интенциональности сознания. С точки зрения философа, интенциональность – основополагающее свойство сознания, которое приписывает его феноменам имманентную предметность, и таким образом решается важная для феноменологии проблема соотношения бытия и сознания. Мир возможен только как коррелят сознания [13, с. 206]. Интенциональность сознания и предметность, выраженная в нем, предполагает наличие у человека когнитивных возможностей фиксации и хранения образов мира (воспоминаний, фантазий). Гуссерль доказал, что память является свойством сознания, без которого его феноменальность будет утрачена. В идеях о ноэтической предметности сознания Э. Гуссерль раскрывал свои представления о социальной памяти [19, с. 24]. Социальной памяти свойственны субъективность, рефлексивность и способность определить и обосновать значимость содержания актов познания и сознания. Функционирование памяти рассматривалось Гуссерлем не только как рефлексивный процесс анализа прошлого, но и как процесс его ценностно-смысловой оценки в настоящем, то есть философ видит в функционировании социальной памяти аксиологический аспект.

Другой видный представитель феноменологического направления, А. Шюц видел в памяти и воспоминаниях механизмы формирования социального опыта. Для представителей одной

социальной группы характерно наличие общих воспоминаний и, следовательно, получение схожего опыта. Субъектом социальной памяти Шюц считал малые социальные группы, которые построены на личных контактах. Следует учитывать, что Шюц в качестве субъекта социальной памяти рассматривает малые социальные группы, построенные, как правило, на личных контактах. Процесс жизнедеятельности субъекта предполагает его включенность во множество социальных групп, с каждой из которых он имеет определенный набор общих воспоминаний. Таким образом, он имеет доступ к социальной памяти различных локальных групп, выступая точкой пересечения различных стратегий воспоминания [2, с. 8]. Шюц считал, что социальная память представляет собой память человека о встречах с теми, кто его окружает, запасы знаний, осуществляющие совпадение релевантностей, которое является условием взаимодействия людей и расширения индивидуального «жизненного мира» [21, с. 131].

П. Бергер и Т. Лукман, представители конструктивистского направления в феноменологии, исследуют механизмы, с помощью которых индивид получает доступ к социальной памяти. Для этого они вводят понятие социализации и определяют ее как процесс приобщения индивида к воспоминаниям социальной группы. Социализация видится ученым в двух видах: 1) первичная – происходит в детском возрасте и представляет собой включение индивида в социальную реальность посредством овладения базовым запасом знаний; 2) вторичная – не имеет конкретных рамок, она активизируется всякий раз, когда индивид оказывается в новых социальных условиях и получает доступ к новым воспоминаниям [4, с. 111–112]. Роль социальной памяти в процессе социализации состоит в обеспечении идентификации индивида в группе.

Таким образом, феноменологическое направление рассматривает социальную память как результат взаимодействия индивида с другими людьми, так как оно образует общие воспоминания, имеющие социальный характер.

Еще одним направлением в социологическом подходе к исследованию социальной памяти является постструктурализм, представители которого исследуют социальную память в условиях трансформации общества. П. Нора в связи с этим пишет, что современная эпоха – эпоха всемирного торжества памяти, «мемориальная эпоха» [9]. Ученый видит две причины господства памяти: 1) «ускорение истории»; 2) «демократизация» истории. «Ускорение истории» означает процесс, при котором в обществе происходят постоянные изменения, что приводит к разрыву связи между прошлым, настоящим и будущим. Будущее теряет свою определенность и предсказуемость, а прошлое забывается. Прошлое теперь можно реконструировать только с помощью материальных носителей – документов, архивов, памятников. Поэтому настоящее обретает «долг памяти» – обязательство помнить свою историю, чтобы передать ее своим потомкам. Следовательно, память становится движущей силой, которая гарантирует преемственность поколений [9]. Вторая причина расцвета памяти – «демократизация» истории, под которой Нора подразумевает эмансипацию народов и этносов. Волны деколонизаций (всемирная, внутренняя, идеологическая) приводят к возникновению разнообразных форм памяти меньшинств, которые обеспечивают их идентичность и самобытность. В связи с этим особое значение приобретает понятие «коллективной памяти».

Х. Уайт в своей книге «Содержание формы» рассуждая над тем, как создаются, сохраняются и воспроизводятся коллективные представления о прошлом, приходит к выводу, что это происходит посредством нарративов. Воспоминания общества, считает Уайт, содержатся в различных видах исторического письма: анналы, летописи, настоящая история. Особенности коллективной памяти этнокультурных и национальных групп характеризуется теми текстовыми ресурсами, которые имеются в их культурном и историческом наследии. Так, анналам присуща минимальная степень повествовательности: они состоят из регистра списка событий, расположенных в хронологическом порядке [22, с. 5]. Летописи представляют собой незаконченные истории, однако в них есть центральная тема и хронология, поэтому они характеризуются несколько большей степенью повествовательности, нежели анналы. Настоящие истории обладают самой высокой степенью повествовательности: в них присутствует сюжетная линия, герои, события наделены общим смыслом [22, с. 21]. Итак, чем более высокий по степени повествовательности ресурс использует общество для записи важных событий своей истории, тем более обширную информацию содержит его социальная

память. Потребность в использовании более информативной формы нарратива может возникнуть в обществе, члены которого понимают значимость связи между настоящим, прошлым и будущим и заботятся о сохранении коллективных воспоминаний. Следовательно, для перехода от использования одной формы нарратива к другой необходимо, чтобы произошли изменения в структуре общества, а именно чтобы память стала ценностью.

Таким образом, исследования представителей постструктуралистского направления направлены на поиск устойчивых структур общественного сознания.

Отдельно стоит выделить социально-историческое или эволюционное направление изучения социальной памяти, в котором работали Э. Тоффлер, Г. Шуман, Ж. Скотт.

Э. Тоффлер, говоря о памяти, выделяет два ее вида: во-первых, индивидуальную, или частную, которая недоступна для других; во-вторых, общую, или социальную, открытую для совместного доступа. В общей (социальной) памяти социолог видит двигатель эволюции, потому что она, в отличие от индивидуальной, не умирает вместе с человеком, а передается от поколения к поколению. Развитие социальной памяти коррелирует с развитием общества. Так, в обществе Первой волны не существовало иных форм хранения социально значимой информации, кроме самих людей. Следовательно, объем социальной памяти был жестко ограничен. Цивилизация Второй волны существенно расширила границы памяти. Распространение грамотности, ведение систематических деловых записей, строительство библиотек и музеев, изобретение картотеки, – все это были новые способы хранения информации, которые извлекли социальную память из-под «черепной коробки». Однако, существуя только на бумаге или фотографии, память теряет свою подвижность. Оживает она только в процессе мышления человека. Поэтому следствием Второй волны Тоффлер считает «заморозку» социальной памяти. Третья волна характеризуется созданием компьютеров, которые сделают возможными появление новых теорий, технических прорывов и идей, то есть компьютеры «оживляют» социальную память. Таким образом, информационная сфера Третьей волны способна сделать социальную память не только обширной, но и активной. В новом обществе общая память снова становится важнейшим цивилизационным механизмом [15, с. 126].

Г. Шуман и Ж. Скотт в своей работе «Коллективная память поколений» раскрыли неоднородность пространства социальной памяти в рамках одной общности. Проведя исследование, касающееся опроса респондентов о наиболее важных событиях в истории США, социологи пришли к двум основным выводам: 1) воспоминания о важных политических событиях и социальных изменениях структурированы по возрасту; 2) юность и период ранней взрослости – главный период, когда в сознании запечатлеваются важные политические воспоминания, характерные для данного поколения. Также ученые выяснили, что образование имеет существенное влияние на запоминание важных исторических событий. В заключение своего исследования Г. Шуман и Ж. Скотт отмечают, что следует выделять два значения термина «коллективная память» (воспоминание) – в узком (персонифицированные коллективные воспоминания) и широком смысле (коллективные оценки и восприятия, значимые для формирования будущего поведения членов данного поколения). Таким образом, различие между двумя трактовками связано не столько с содержанием воспоминания, сколько со степенью личного переживания, которое относится к прожитым событиям [20].

Итак, представители социально-исторического направления рассматривают социальную память с точки зрения эволюции ее содержания и возможностей сохранения. Социальная память предстает здесь в качестве элемента жизнедеятельности общества, который характеризует степень его развитости как в материальном (способы хранения, накопления и передачи информации), так и в духовном отношении (воспоминания о важных событиях).

В основе информационного направления исследований лежит представление о неразрывной связи функционирования памяти, процессов познания, получения и накопления информации и динамики социальных систем. Представления К. Поппера о «третьем мире» считаются значимыми для понимания сущности социальной памяти. Поппер представлял социальное пространство состоящим из трех миров: 1) мир физических представлений; 2) мир субъективных состояний сознания; 3) мир объективного содержания мышления и предметов человеческого сознания вне познающего субъекта. Первый и третий миры взаимодействуют

только через второй мир [5, с. 582]. В своей трактовке «третьего мира» К. Поппер высказал мысль о том, что содержание социальной памяти обладает самостоятельностью и объективностью, поэтому оно не является просто продуктом индивидуального сознания.

В.Г. Афанасьев отстаивает значимость социальной памяти через понятие системы социальной информации, которая обеспечивает вертикальный (накопление, хранение, транслирование важной, программирующей поведение индивидов информации от поколения к поколению) и горизонтальный обмен информацией (обмен информацией между людьми одного поколения). Человек становится существом социальным благодаря воссозданию информации, которая была накоплена предшествующими поколениями, и объединению ее со знаниями современников [7, с. 41]. Таким образом, Афанасьев рассматривал информацию с точки зрения процессов ее познания и актуализирования в социальной памяти. Информация необходима для воспроизводства социальной памяти.

Отечественный ученый Я.К. Ребане определял социальную память в качестве совокупности ненаследственных социально-культурных средств и систем информации, являющихся основой для индивидуального и общественного познания на каждом этапе исторического развития [11, с. 44–54]. Социальная память является основным инструментом хранения информации. Ребане выделил основные группы носителей социальной информации: 1) овеществленные результаты труда и орудия производства; 2) объективные социальные отношения; 3) язык и внелингвистические семиотические средства, способные передавать информацию [12, с. 107]. Таким образом, социальную память по Я.К. Ребане можно представить в виде всего многообразия социальной информации, которая существует в данный исторический период развития общества.

Следующим представителем информационного направления является В.А. Колеватов, который считает память, то есть способность накапливать и хранить информацию, важнейшим свойством любой системы. Исследуя категорию «социальная память» ученый пришел к представлению о том, что социальная память имеет общенаучный статус. По мнению Колеватова, социальная память – процесс функционирования социокультурных средств хранения ценной для общества информации, которая необходима для его существования [7, с. 35].

Б.С. Илизаров и В.Б. Устьянцев рассматривают социальную память как социальное образование, которое функционирует в трех основных качествах: 1) социальный институт (совокупность организаций, транслирующих материальные и духовные ценности); 2) сложная информационная система; 3) разновидность социокультурной деятельности (воспроизводство существующих образцов поведения и восприятия) [16, с. 15–18].

Таким образом, в информационном подходе раскрыта информационно-познавательная сущность социальной памяти, описана ее структура и развитие когнитивных схем. Социальная память здесь предстает в виде ретроспективного типа социальной информации, которая передает данные о прошлых состояниях социальной системы [2, с. 165].

Многообразие направлений изучения социальной памяти свидетельствует об актуальности данной темы среди исследователей. С точки зрения социологического подхода социальная память – элемент структуры общества, характеризующий его устойчивость, который является результатом взаимодействия людей, сохраняется и воспроизводится в различных формах (материальной, духовной) и выражается в усвоении и передаче от поколения к поколению социально значимой информации.

Список литературы:

1. Аникин Д.А. Память как социальный феномен. Известия Саратовского университета Т. 7. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1, 2007. – С. 3–9.
2. Аникин Д.А. Социальная память в свете информационного подхода. Журнал Вестник Поволжского Института Управления. Выпуск № 12, 2007. – С. 163–168.
3. Аникин Д.А. Коллективная память религиозных сообществ в эпоху глобализации.

- Ученые записки Казанского университета. Том 157. Кн. 1, 2015. – С. 7–15.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – 323 с.
 5. Грицанов А.А. Поппер / А.А. Грицанов // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ-Минск: Харвест: Современный литератор, 2002. – 1312 с.
 6. Игнатенко Т.И. Интерсубъективная социальная память как форма социокультурной преемственности. Журнал Известия Волгоградского Государственного Технического Университета. Выпуск № 5. Том 7, 2008. – С. 44–46.
 7. Колеватов В.А. Социальная память и понимание. – М.: Мысль, 1984. – 190 с.
 8. Мосс М. Социальные функции священного. – СПб.: Евразия, 2000. – 446 с.
 9. Нора П. Всемирное торжество памяти / Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (Дата обращения 04.11.2015).
 10. Рафиков А.М. Социальная память и механизмы ее воспроизводства. Журнал Вестник Башкирского Университета. Выпуск № 2. Том 11, 2006. – С. 119–121.
 11. Ребане Я.К. Информация и социальная память // Вопросы философии, № 8, 1982.
 12. Ребане Я.К. Социальная детерминация познания: комплексная проблема исследования // Общественные науки № 4, 1980.
 13. Семенова В.Н. Гуссерль / В.Н. Семенова // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ-Минск: Харвест: Современный литератор, 2002. – 1312 с.
 14. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002 г. – 232 с.
 15. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма» Издательство АСТ», 2004. – С. 6–261.
 16. Устьянцев В.Б. Культура и социальная память // Закон возрастания роли культуры. Саратов, 1998.
 17. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 8–27.
 18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Монография. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
 19. Храпов С.А. Концептуализация понятия «социальная память» в системе философского знания. Гуманитарные исследования № 4 (36), 2010. – С. 23–26.
 20. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений. – Социологические исследования № 2, 1992. – С. 47–60.
 21. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2.
 22. White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. – 244 p.